

Сифилис как душевная болезнь, или болезнь Бейля

Но одну болезнь, как и позже, в двадцатом веке, Эскироль выделил особо. Вернее, группу симптомов, если быть точными.

В 1814 году он писал, что, если бонусом к душевному расстройству прилагается паралич, то дело плохо. Тогда стоит ждать, что паралич этот, поначалу неполный, в виде слабости в руках или ногах, будет прогрессировать, появятся нарушение речи, затем общая неловкость движений, потом присоединится недержание мочи, а там и до exitus letalis недалеко. Жан Этьен подчёркивал особо: мол, видите у пациента с признаками паралича нарушение речи? Готовьте место на больничном кладбище. Поскольку l'embarras de la parole est un signe mortel, сиречь «нарушение речи есть признак смертельный». По тем временам так оно и было: сифилис в той стадии и форме, когда он поражает нервную систему и приводит к параличу и душевному расстройству, по тем временам был неизлечим. А учитывая масштабы разгула этой инфекции, можно представить остроту проблемы.

Строго говоря, Эскироль не был первым, кто описал клиническую картину поражения нервной системы сифилисом, при этом — особо подчеркну — ещё не зная истинного виновника этого недуга, бледную трепонему, и сифилис, ею вызываемый. Еще в 16 веке итальянский врач Джеронимо Меркуриали подробно описал несколько случаев прогрессивного паралича. Но что такое пара клинических случаев по сравнению с десятками! А именно такими количествами оперировали ученики и последователи Эскироля, которым он подсказал, что и у кого искать. И с чем не стоит путать, он тоже отдельно подчеркнул — да вот же, на 142 странице своего трактата «О душевных болезнях»:

«Такой паралич не следует смешивать с последствием мозгового кровоизлияния, рака, туберкулеза и размягчения мозга. На первых порах паралич ограничен; впоследствии, в силу непрерывного нарастания симптомов, он становится общим, и его появление, каков бы ни был характер бреда у больных, всегда служит признаком надвигающегося слабоумия. Болезнь тянется не больше трех лет; и почти всегда ее последние периоды сопровождаются судорогами, воспалительными явлениями со стороны мозга, кишечными флегмазиями и, наконец, гангреной, поражающей те части кожи, на которых покоятся неподвижные тела больных».

Догадку Эскироля ухватит и подчеркнёт его ученик, Жорже, который в 1820 году в своём «Трактате о помешательстве» напишет, что любое душевное заболевание, осложнённое параличом, абсолютно неблагоприятно по прогнозу. Но, как и Эскироль, Жорже увидел и признаки болезни, и её отличие от ряда прочих недугов, связанных с поражением мозга, — но не саму болезнь. Лишь то, что в таком сочетании симптомов для пациента всё в итоге будет хуже некуда. Эскироль вообще полагал, что любая душевная болезнь может осложниться параличом — и тогда пиши пропало.

Прогрессивный паралич как отдельную болезнь опишет Бейль двумя годами позже трактата Жорже, в 1822 году, в своей диссертации «Исследования о душевных болезнях», поданной за номером 247 медицинскому факультету Парижского университета. Давайте немного отвлечёмся, чтобы сказать пару слов об авторе диссертации.

Антуан Лоран Жессе Бейль родился 13 января 1799 года в коммуне Ле-Верне. Ну и куда, скажите, податься юноше, чей двоюродный дед, знаменитый на всю Францию автор «Историко-критического словаря» Пьер Бейль, предвосхитил труды Вольтера, и чей дядя, Гаспар Бейль, снискал в Парижском университете славу известного патологоанатома? Ясное дело, в Парижский университет, на медицинский факультет, что Антуан и делает в

1815 году, будучи 16 лет от роду. Денег на то, чтобы, помимо учёбы, быть ещё и завсегдатаем лекций именитых докторов, у Бейля к тому моменту не водилось, но на клинических разборах, проводимых Эскиролем, он пару раз успел побывать и впечатлиться. А тут и место интерна в Шарантоне освободилось — ну не удача ли!

Под руководством принципала Шарантона, доктора Руайе-Коляра (тоже Антуана, кстати) Бейль постигает основы психиатрии — и упорно ищет связь между душевными болезнями и сопутствующими им изменениями в тканях организма, прежде всего в мозге и его оболочках. Помните, я про дядю-патологоанатома упоминал? Вот то-то и оно — вскрытия, вскрытия и ещё раз вскрытия.

Большинство секций так и не дали чёткого ответа на вопрос: «Что же пошло не так, что именно в мозге испортилось?» Зато несколько попыток оказались результативными и выявили довольно однозначную связь между признаками арахноидита (воспаления паутинной оболочки мозга) и бредом величия (вернее, по тогдашним терминам, монomanией величия), который пациент демонстрировал при жизни. Подняв истории болезней умерших и вскрытых пациентов, Бейль ещё раз убедился в том, что изначальная догадка верна, и во всех случаях повторяется одна и та же цепочка: монomanия величия — возбуждение — необратимое слабоумие — смерть — признаки арахноидита на вскрытии.

Вот как он описывает свои наблюдения сам:

«В первом периоде произношение заметно затруднено, походка — неуверенная; беспорядки со стороны психической сферы выражаются ослаблением умственных способностей, бредом величия, преобладающим в картине болезни, и часто более или менее выраженными картинами экзальтации.

Во втором периоде движение языка и членов обнаруживает те же затруднения, что и в первом, или ещё больше прогрессирует: бред становится маниакальным и общим, часто сопровождается идеями могущества; бывают состояния возбуждения, которые варьируют от говорливости и подвижности, постоянно заставляющих больного менять свое место, до самых сильных и неистовых состояний буйства.

Наконец, третий период характеризуется состоянием слабоумия и увеличением явлений общего паралича: речь становится лепечущей и дрожащей, очень затруднена, иногда непонятна; походка делается нетвердой, шаткой, невозможной; появляется произвольное отхождение выделений; разум совершенно слабеет, сохраняется небольшое количество идей, совершенно несвязных, иногда подвижных, иногда более или менее стойких. Чаще больные покойны, но время от времени у них имеет место более или менее сильное возбуждение. Этот период кончается полным параличом волевых движений и состоянием полного идиотизма.

Не у каждого больного наблюдаются постоянно все три периода; нередко отсутствует второй, он заменяется иногда состоянием спазматической агитации, непрерывной или периодически появляющейся; довольно часто в третьем периоде развиваются приступы мозговых приливов, сопровождаемые потерей сознания, иногда с судорожными движениями и дрожанием, с последующим ухудшением симптомов болезни, иногда с эпилептиформными припадками».

Тремя годами позже, в 1825 году, продолжая наблюдения и, соответственно, посмертные вскрытия, Бейль пишет «Новое учение о душевных болезнях» (*Nouvelle doctrine des maladies mentales*), а в 1826 году — «Трактат о болезнях мозга и его оболочек» (*Traité des maladies du cerveau et de ses membranes*). По сути дела, эти работы — продолжение и дополнение к его диссертации 1822 года. Очень ярко и образно описывает

он в своих работах бред величия и богатства, подчёркивая, что практически во всех случаях такой бред предшествует развитию слабоумия (что верно для картины прогрессивного паралича).

Неоднократно подчёркивая связь и бреда величия, и последующего слабоумия с воспалением паутинной оболочки, Бейль не забывает указать и несколько ранних признаков болезни, о которых упоминал Эскироль и на которые редко обращают внимание:

«Из всех продромальных симптомов хронического воспаления мозговых оболочек чаще всего встречается небольшое затруднение в движениях языка, выражающееся в виде мгновенной запинки, неповоротливости при произнесении некоторых слов, а иногда дело не идет дальше незначительного заикания. Этот симптом, появляющийся часто после приступа прилива крови к мозгу, иногда снова исчезает на короткий срок, но лишь для того, чтобы возобновиться, особенно если приступ мозгового полнокровия повторится. Указанный симптом часто является единственным указанием на приближающееся помешательство. Кроме того, нередко можно заметить также и легкое затруднение в движениях конечностей».

И именно Бейль первым проводит робкую параллель между прогрессивным параличом и сифилисом.

«Одна пятая часть из 182 больных имела в своем прошлом половые эксцессы, причем иногда отмечается и заражение сифилисом, однако, и то и другое — настолько частое явление, что я не могу решиться признать его причиной хронического менингита».

Как это довольно часто случается с первопроходцами, Бейль был раскритикован — в том числе и мэтром, Эскиролем. И только после его смерти в 1858 году об этих работах вновь вспомнят и заговорят. А в 1922 году, к столетию его диссертации, выйдет юбилейная монография, в которой прогрессивный паралич назовут болезнью Бейля.